

УДК 17.02

НРАВСТВЕННОСТЬ КАК СЛОЖНАЯ САМОРАЗВИВАЮЩАЯСЯ СИСТЕМА

Е. В. БЕЛЯЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Отмечено, что интерпретация нравственности как сложной саморазвивающейся системы содержит плодотворные возможности для этического исследования, позволяет построить плюралистическую и в то же время целостную картину динамики нравственности. Единство нравственности как системы задается особенностями ее нормативно-ценностной структуры и специфической функцией. Указано, что разрешение проблемы многообразия нравственности возможно благодаря использованию системно-синергетического принципа нелинейности. Он позволяет обосновать спонтанное образование ряда самодостаточных систем нравственности, выполняющих универсальные функции, дает возможность интерпретировать процесс детерминации морали как полидетерминацию и самодетерминацию, эксплицировать соотношение универсального и исторически конкретного в нравственности, реализовать сценарный подход в определении тенденций развития современной нравственности. В результате динамика нравственности представляется как процесс самоорганизации индивидуальных и коллективных субъектов морали, реализующих потребность в стабилизации сообщества и утверждении самооценности отдельного человека посредством выработки нормативно-ценностных структур.

Ключевые слова: системный подход; системно-синергетический подход; система нравственности; динамика нравственности.

MORALITY AS A COMPLEX SELF-DEVELOPING SYSTEM

E. V. BELYAEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Interpretation of morality as a complex self-developing system contains fruitful possibilities for ethical research, allows to build a pluralistic and at the same time holistic picture of the dynamics of morality. The unity of morality as a system is determined by the peculiarities of its normative-value structure and specific function. Solving the problem of the diversity of morality is possible due to the use of the systemic-synergetic principle of nonlinearity. It allows to justify the spontaneous formation of a number of self-sufficient systems of morality that fulfill universal functions; interpret the process of determining morality as polydetermination and self-determination; explain the relationship of the universal and historically concrete in morality; to implement a scenario approach in determining trends in the development of modern morality. As a result, the dynamics of morality is represented as a process of self-organization of individual and collective subjects of morality that need for community stabilization and the assertion of the self-worth of an individual through the development of normative-value structures.

Key words: systems approach; systemic-synergetic approach; system of morality; the dynamics of morality.

На современном этапе системный подход приобрел статус общенаучного, что не уменьшает его эвристической ценности, так как «любой объект при решении определенных задач и с помощью

определенных познавательных средств может быть представлен как системный» [1, с. 73]. Под системой понимается целостность, охватывающая организованные в структуру элементы, ко-

Образец цитирования:

Беляева ЕВ. Нравственность как сложная саморазвивающаяся система. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;4:57–64.

For citation:

Belyaeva EV. Morality as a complex self-developing system. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;4:57–64. Russian.

Автор:

Елена Валериевна Беляева – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии культуры факультета философских и социальных наук.

Author:

Elena V. Belyaeva, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
bksisa@rambler.ru

торая взаимодействует со средой для достижения определенной цели. Цель задает функции системы в окружающей среде, отделяет ее от других систем и от самой среды.

Изучение динамики сложных саморазвивающихся систем привело к созданию системно-синергетического подхода. В трудах классиков синергетики Г. Хакена [2] и И. Пригожина [3] были сформулированы общие принципы синергетического подхода. В русскоязычной литературе сложилось научное сообщество, разрабатывающее синергетическую парадигму применительно к различным научным проблемам. Работы В. С. Стёпина [4] и В. Г. Буданова [5], а также совместные труды Е. Н. Князевой и С. П. Курдюмова [6] показали перспективность соединения усилий гуманитарной и естественно-научной мысли в решении актуальных методологических проблем. Как отмечает В. С. Стёпин, «все социальные объекты, рассмотренные с учетом их исторического развития, принадлежат к типу сложных саморазвивающихся систем» [7, с. 266]. При этом различные науки не столько применяют готовые схемы, разработанные в общей теории систем, сколько выявляют конкретную системную природу своего объекта изучения, характеризуя его в собственных категориях.

В этике системный подход к анализу сложных саморазвивающихся систем позволяет мыслить нравственность как целостность, дает возможность определить ее структуру и многообразие внутренних и внешних связей, а главное – выявить механизмы, благодаря которым данный объект сохраняет свое единство во всех исторических изменениях. На основе системного подхода можно построить обобщенную теоретическую модель нравственности и положить ее в основу исследования динамических процессов внутри данного феномена и в его взаимодействии с социальной и духовной средой, что позволяет решить сложную теоретическую задачу рассмотрения единства морали в многообразии ее форм. Впервые разрешение этой проблемы на основе системного подхода предпринял Г. В. Ф. Гегель. В работе «Система нравственности» в соответствии с общим духом своей философии он стремился вывести из идеи абсолютной нравственности все многообразие ее форм и социальных проявлений [8]. При этом диалектическое раскрытие внутренних противоположностей феномена нравственности позволило трактовать ее как динамическую саморазвивающуюся систему. Впоследствии, несмотря на расхожее определение морали как «системы ценностей и норм» и популярность идей синергетики, системный подход к анализу данного феномена реализуется фрагментарно. Это связано как с непрекращающейся полемикой о сущности и определении объекта этики, так и с современным состоянием нравственности, которое характеризуется не столько системностью, сколько плюрализ-

мом и хаотичностью. Между тем именно многообразие нравственных форм современного мира побуждает исследователей вновь обращаться к осмыслению их системного единства.

Интерпретация нравственности как системы должна начинаться с характеристики ее элементов, которые выявляются в контексте представлений о структуре и функциях морали. Нравственность как система представляет собой совокупность норм и ценностей, организованных в нормативно-ценностную структуру, целостность которой задается целью морали, или ее двуединой функцией: поддержанием стабильности человеческих сообществ исходя из перспективы будущего и поддержанием самооценности личности на основе представлений о совершенстве. Способ осуществления этой роли морали в социальной и духовной среде обозначается в этике понятием «способ регуляции». Поскольку системный подход ориентирует на поиск того, что делает совокупность структурированных элементов целостностью, способной функционировать определенным образом, то применительно к нравственности этими организующими параметрами оказываются способ регуляции и нормативно-ценностная структура. Нравственность представляет собой особый способ регуляции мышления и поведения, который отличает ее от всех других социальных и духовных явлений, и структурированную совокупность ценностей и норм, специфичных именно для нее. Данный способ представления нравственности как системы наиболее полно отвечает задаче исследования ее динамики.

Несводимость свойств системы к сумме элементов и невыводимость свойств целого из суммы частей в области нравственности проявляется в том, что способность нравственности как целого направлять человеческую жизнь к добру не тождественна соблюдению конкретных предписаний. Так, исполнение десяти заповедей – это необходимая, но недостаточная характеристика нравственной жизни христианина, а обладание набором добродетелей приводит человека к нравственной жизни только в контексте целостного представления о ее нравственном смысле.

В советской этике структура нравственности мыслилась крупными структурными блоками: нравственное сознание, нравственное поведение, нравственные отношения [9, с. 426–427]. Однако разнообразие и многоплановость феноменов нравственности весьма велики. В своем функционировании нравственность как система может обнаруживать такие уровни, как мораль и нравственность, общественная и индивидуальная мораль, нравственное сознание и нравственное поведение, моральная идеология и нравственная повседневность. Структурируя моральное сознание по степени сложности регулятивного воздействия его элементов, можно выделить нормы, добродетели,

принципы и идеалы. Все это говорит о сложности нравственности как системы, множественности ее элементов и способов связи между ними. Выбор наиболее адекватного членения нравственности определяется тем, насколько выделенные элементы раскрывают целостные свойства нравственности, позволяют понять ее структуру и динамику.

Нравственности, как и прочим сложным системам, присуща протяженность в пространстве и времени, мораль свойственна всем человеческим сообществам во все эпохи. Будучи сложной системой, нравственность отличается множественностью иерархических уровней в своем составе. В самом маленьком фрагменте (простейший свод заповедей) она обладает многоуровневым характером, предполагающим иерархию норм и ценностей. Сложность системы проявляется также в том, что ее элементы имеют сложное поведение и множество степеней свободы. Каждая моральная ценность и норма нравственности имеет собственную длительную историю, включающую контекстуальное изменение ее содержания и принципов применения при сохранении принадлежности к системе.

Нравственность является не только сложной, но и сложноорганизованной системой, каждый элемент которой имеет смысловую связь с любым другим элементом, а потому может оказать на него воздействие. Любой частный аспект человеческой жизни (вегетарианство или мясоедение, установка рядом со ступеньками пандусов) может стать основой этически принципиального вопроса, сама постановка которого (не говоря об определенном решении) приводит к перестройке всего морального мировоззрения и нравственных связей как отдельного человека, так и целых сообществ. В результате число возможных взаимосвязей элементов внутри нравственности существенно больше числа самих этих элементов, что указывает на сложноорганизованный характер нравственности.

Поскольку сложный объект можно вычленять в среде и разделять на элементы по-разному, важная задача исследователя состоит в том, чтобы определить параметры, позволяющие изучить механизмы формирования уникальной целостности объекта, его структуру и динамику. Поэтому структурирование элементов системы может осуществляться по самым разным критериям. Для исследования динамики нравственности большое значение имеет прежде всего выделение основных моральных ценностей и норм, а также установление смысловых и иерархических связей между ними. Если понимать структуру как функциональную упорядоченность элементов, то конкретный характер нормативно-ценностной структуры нравственности задается способом выполнения двуединой функции морали.

Нравственность представляет собой не только сложную, но и саморазвивающуюся систему. При изменениях в социуме нравственность изменяет нормативно-ценностную структуру, сохраняя стабильность своих фундаментальных функциональных характеристик. Нравственность не просто реагирует на внешние факторы, а ставит собственные задачи по развитию сообществ и личностей в новых условиях, побуждая их быть лучше и выдвигая критерии совершенства. Двухединая функция нравственности задает те управляющие параметры, которые запускают процесс моральной самоорганизации для противостояния энтропийным процессам. Все это позволяет говорить о нравственности как о сложной саморазвивающейся системе и применить в ее анализе базовые принципы синергетики.

К числу главных идей синергетики Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов отнесли принципы открытости, нелинейности и самоорганизации [6, с. 14]. В этом контексте развитие нравственности эксплицируется как динамика нелинейных, открытых, самоорганизующихся систем нравственности.

Нелинейность как принцип синергетики позволила по-новому взглянуть на проблему существования множества различных систем нравственности, каждая из которых может быть обоснована в качестве значимой. Так, В. В. Василькова констатировала: «Нелинейностью называется свойство системы иметь в своей структуре различные стационарные состояния, соответствующие различным допустимым законам поведения этой системы» [10, с. 148]. Нелинейный характер динамики нравственности выражается в том, что возможно существование нескольких (но не бесконечно многих) самодостаточных ее вариантов, каждый из которых исторически способствовал выполнению задачи по самоорганизации социума. Как писали Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов, «ветвящиеся дороги эволюции ограничены... в рамках вполне определенного, детерминированного поля возможностей» [6, с. 36]. Авторы утверждали: «Потенциально существует множество типов структур», но «могут возникать только те структуры, которые в ней (в среде. – Е. Б.) потенциально заложены и отвечают собственным тенденциям процессов в данной среде» [6, с. 88]. Применительно к морали это означает возможность образования различных вариантов систем нравственности, отвечающих ее общей двухединой функции и отличающихся в то же время от феноменов, морали противоречащих. Как отмечал В. Беккер, «существует важное различие между многообразием возможностей морального выбора и не-моралью» [11, с. 99].

К таким вариантам могут быть отнесены две большие системы нравственности, которые обозначаются как традиционная нравственность и нрав-

ственность модерна. История свидетельствует о продолжительном сосуществовании обеих систем, которые являются не сменяющимися друг друга стадиями, одна из которых вытекает из предыдущей, а двумя стационарными состояниями единого целого. Число допустимых систем не бесконечно и произвольно, но соответствует фундаментальным закономерностям существования морали. Открытость нравственности как системы выражается в том, что ее функционирование протекает в социальной и духовной среде, с которой происходит обмен нормами и ценностями. При этом, с одной стороны, изменения, происходящие в различных сферах жизни общества, получают нравственную легитимацию, с другой – при условии внутренней нестабильности – усиливается восприимчивость системы нравственности к внешним процессам, нарастает хаотизация нормативно-ценностной структуры с последующим образованием новых структур порядка, отвечающих внутренней природе морали.

Такой подход позволяет по-новому поставить важнейшую для понимания динамики нравственности проблему детерминации морали. Классическая теория развития исходила из того, что объяснение изменений предполагает установление их причины, из которой с необходимостью вытекает следствие. Классическая этика содержала целый спектр концепций, каждая из которых рассматривала некий фактор в качестве причины нравственности. Был ли этот фактор натуралистическим, супранатуралистическим, социальным или трансцендентным, он полагался единственным, однозначно определяющим содержание морали и ход ее развития. При всей грандиозности созданных таким методом теоретических построений все они столкнулись с рядом трудностей.

Во-первых, изучение истории нравов со всей очевидностью показывает, что на нравственные процессы воздействует множество различных причин и обстоятельств, от которых не удастся отмахнуться как от случайных или несущественных. Идея полидетерминации морали всегда скрыто присутствовала в этических текстах, но не могла получить адекватной теоретико-методологической поддержки. Современная же социосинергетика, по словам В. В. Васильковой, обосновывает «необходимость полидетерминистического, многомерного описания целостной системы, где будет учтено взаимовлияние и взаимоналожение детерминистических импульсов» [10, с. 211]. Современные социологические исследования также исходят из того, что «динамика изменения ценностей не может быть объяснена прямолинейно, исходя из одной теории изменений» [12, с. 52]. Поэтому для объяснения нравственных процессов этика должна перейти от поиска единственной причины морали к изучению ее динамики, детерминированной вза-

имодействием причин, главными из которых являются внутренние. Специфическими внутренними детерминантами динамики нравственности выступают субъекты морали, отличающиеся свободой воли и спонтанной моральной активностью.

Во-вторых, классический детерминизм предполагал, что каждую последующую ступень нравственного развития человечества следует закономерно вывести из предыдущей, что можно сделать лишь умозрительно. Как отмечала М. А. Можейко, парадигма детерминизма нелинейного типа исходит из того, что процесс развития – это «непредсказуемая смена состояний системы, каждое из которых не является ни следствием по отношению к предшествующему, ни причиной по отношению к последующим состояниям» [13, с. 216]. Конечно, абсолютизация такого тезиса превратила бы историю нравственности в набор бессвязных фрагментов, не позволила бы говорить о том, что все исторические формы нравственности – это смена состояний одного и того же явления.

В-третьих, классическая (в частности, гегелевская) этика рассматривала историческое развитие нравов с позиций существования абсолютной морали, не зависящей от субъективного мнения человека, что приводило к превалированию оценочного подхода над аналитическим и сопровождалось искажениями исторической фактуры в угоду стройности концепции. Синергетическая же идея о множественности возможных путей развития системы, открывающихся в точке бифуркации, позволяет по-новому осмыслить историческое многообразие нравов, обосновать значимость различных систем нравственности. Как отмечал В. И. Бакштановский, «при отсутствии общего сценария, универсальной логики движения эволюции морали уместно, обозревая историю “моральных порядков”, говорить не о монолинейности, “эстафетном прогрессе”, не об одном общем стволе дерева эволюции или о единой шкале эволюции, но о разных “стволах” и “шкалах»» [14, с. 8–9]. При синергетической интерпретации историческое развитие нравственности не может быть охвачено единой логикой, оно не направлено к единственной цели и не детерминировано единственной причиной, поэтому не имеет смысла говорить о прогрессе или регрессе в морали человечества.

Синергетическое видение динамики нравственности предполагает множественность путей ее развития на каждом историческом этапе. Даже существование устойчивых систем моральных представлений не отменяет периферийных нравственных процессов. Наличие веера возможностей, одна из которых осуществляется и закрепляется в качестве исторической необходимости, позволяет интерпретировать динамику нравственности не как predetermined процесс, детерминиро-

ванный причинами или целями, но как спонтанность, заключающую в себе необходимость. Нет закономерности, согласно которой одни нравственные формы должны превратиться в другие, вполне определенные. На историческом материале крайне затруднительно доказать, что устоявшаяся система нравственных представлений стала причиной возникновения новой системы и тем более обусловила ее содержание. Сложившиеся в истории человечества моральные представления не являются единственно возможными, нравственная история вполне могла идти другими путями. Однако возникновение новых форм нравственности не произвольно, оно законосообразно и обеспечивает реализацию субъектами морали ее универсальной функции.

Специфика синергетической телеологии состоит в том, что состояние, в которое переходит система в точке бифуркации, не предопределено факторами детерминации. Будущее поливариантно, но не бесконечно неопределенно, а задается точками притяжения – аттракторами: «Под “аттрактором” в синергетике понимают относительно устойчивое состояние системы, которое как бы притягивает к себе все множество “траекторий” системы, определяемых различными начальными условиями» [10, с. 40]. Аттрактор – это форма присутствия будущего в настоящем, предполагающая, что нелинейная динамика системы обуславливается не причинами, а целями, не наследием прошлого, а зовом будущего. Такими аттракторами для нравственного развития выступают нравственные идеалы, число которых в каждый исторический момент с очевидностью больше одного. Энергия идеала позволяет преодолеть косность сущего во имя должного, совершить разрыв сложившихся нравственных связей во имя новых ценностей. Как отмечали Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов, «действуя от целей-аттракторов, от идеала, он (человек. – Е. Б.) обретает возможность правильно инициировать желательные направления самоструктуризации систем уже сегодня, не дожидаясь осуществления длительного процесса их собственного выхода на нужные аттракторы» [6, с. 106]. Таким образом, идеал оказывает преобразующее влияние на действительность, однако способ его функционирования отличается от реализации рационального проекта. Нравственный идеал-аттрактор не воздействует на социальную реальность напрямую, но выступает катализатором ее самоструктурирования. Идеал никогда не воплощается в действительность, любой проект идеальной нравственности побуждает людей к преобразованию сущего, результатом чего является установление нового вида сущего. Однако без вдохновляющей роли морально должного историческое развитие нравственности вообще не

было бы возможно. Как утверждал В. П. Бранский, «не может быть никакого “объективного” критерия социального прогресса, независимого от социальных идеалов» [15, с. 122]. Наличие устойчивых идеалов у большинства членов общества как раз и задает представления о прогрессе определенного типа.

Нравственность следует рассматривать как самоорганизующуюся систему, опираясь хотя бы на эмпирический факт исторического самовоспроизводства ее нормативно-ценностных представлений и способов регуляции. Невзирая ни на какие социальные катаклизмы, изменчивость и разнообразие устоев общества, нравственность воспроизводится как целостный специфический феномен. Как ни в какой другой системе, в нравственности любые изменения происходят на базе предыдущего опыта ее существования, на основе воспроизведения морального наследия: «Свойством морального наследия является то, что оно постоянно включено в актуальную культуру» [16, с. 49].

По определению В. В. Афанасьевой, «под самоорганизацией понимают процесс образования упорядоченных временных и пространственных структур в сложных неравновесных системах» [17, с. 30]. Ключевой идеей теории самоорганизации стала мысль о креативной хаотизации, о плодотворной роли хаоса в динамике нелинейных открытых систем. Эта роль проявляется, во-первых, в том, что порядок на макроуровне системы фундирован хаосом на ее микроуровне; во-вторых, в смене волн порядка и хаоса в динамике системы; в-третьих, в отсутствии предопределенности в ее развитии.

Классическая этика воспринимала мораль как противостояние социальному хаосу и хаосу страстей, как способ сохранения «вечных ценностей» в потоке времени. Поэтому любое отклонение от текущих нормативных предписаний рассматривалось как отступление от морали вообще, которое должно быть ликвидировано. А поскольку расхождение между сущим и должным является фундаментальной характеристикой морали, то история нравственности неизбежно выливалась в описание истории грехов и пороков. Следует заметить, что для обыденного морального сознания наиболее комфортным состоянием также выступает мезоуровень стабильных нормативно-ценностных представлений: «Человеку гораздо естественнее, привычнее и к тому же даже лично безопаснее мыслить линейно» [6, с. 195]. Согласно внутренней логике морального сознания ничего случайного, хаотического в морали быть не должно, мораль предполагает социальный и духовный порядок. Каждая система нравственности в истории вне зависимости от своей фактической ограниченности претендует на универсальность и всеобщность собственных установок.

Между тем отход от должного может свидетельствовать не только о безнравственности субъекта, но и о его флуктуации в направлении новой системы нравственности. Разрушение нормативно-ценностных структур, которое изнутри системы оценивается как «падение нравов», может быть предпосылкой образования новых структур нравственности. Так, синергетический подход становится предпосылкой исторического обоснования морали, доказательства ее устойчивости и значимости, невзирая на перманентные хаотические процессы. Нравственность существует как синергетический эффект мыслей, воли и действий субъектов нравственности. Их нравственная свобода лежит в основе морального выбора как бифуркации, состояния неустойчивости, выход из которого не предопределен предыдущим развитием системы. Еще большее сходство с бифуркацией придает нравственному поведению поливариантность морального решения.

Динамика нравственности легко интерпретируется как ряд волн порядка и хаоса. За счет перманентной смены стабильного и хаотического состояний система оказывается способной к самообновлению. Применительно к системе нравственности хаотизация означает утрату нормами и ценностями определенности их содержания при столкновении с иной системой нравственных представлений. Но наибольшая дестабилизация нравственных процессов происходит при возникновении конфликта способов регуляции. Вывод В. В. Васильковой гласит: «Процесс социального упорядочения разворачивается по законам циклического чередования структур рождения порядка и сохранения порядка, что проявляется как периодическая смена относительного преобладания... демократизма и авторитаризма, либерализма и консерватизма, традиционного коллективизма и индивидуализма и т. д.» [10, с. 283–284]. В предложенной модели коллективизм и авторитаризм ассоциировались с порядком, а индивидуализм и демократизм – с хаосом, что, пожалуй, несколько схематично отражает рассматриваемый процесс. Демократия тоже представляет собой особый порядок, а настоящим хаосом отличаются переходы от авторитаризма к демократии и обратно. Что же касается индивидуализма, то для обществ модерна он как раз выступает параметром нравственного порядка. Кроме того, характер развития общества в целом и динамика нравственности не обязательно совпадают. В стабильном тоталитарном обществе происходит хаотический распад нравственных ценностей, в то время как динамичные демократические преобразования вполне могут сопровождаться укреплением структур нравственности. В пери-

од социального хаоса мораль выступает основой воссоздания порядка, а в эпоху жесткого порядка поддерживает плодотворный хаос свободных моральных поступков.

Системы нравственности в истории действительно переживают волны расцвета и упадка, но вопрос о том, за счет чего они обновляются, должен быть поставлен более конкретно. Период распада нравственных ценностей, характерных для определенной социальной среды, действительно предстает как моральный хаос, но трудно себе представить, что подобная дестабилизация сама по себе способна породить новые нравственные смыслы. Нравственность не есть результат спонтанной самоорганизации безнравственного, чаще всего она упорядочивается за счет флуктуации периферийных образцов к ценностному ядру системы благодаря установлению новых связей между прежними нормами, изменению смысла ценностей, включенных в новый мировоззренческий контекст.

Теория морали, построенная на базе системно-синергетического подхода, позволяет осмыслить каждую систему нравственности, во-первых, как внутренне самодостаточную, во-вторых, как выполняющую универсальные функции морали и, в-третьих, как исторически относительную. Такие исследования, как отмечал Е. Б. Рашковский, «с особой наглядностью выявляют в потоке истории сквозные, пронизывающие темы и смыслы, история выглядит в таком раскладе не хаотической и не натуралистически предreshенной, но условно и гибко структурированной» [18, с. 573]. О сквозном ветвящемся векторе Универсальной истории писал А. П. Назаретян [19, с. 201]. Поскольку при нелинейном развитии возможен исключительно вероятностный прогноз динамики системы, специфика этического предсказания состоит в формулировке представлений о желательном будущем (идеале) на основе представлений о вероятных сценариях будущего. Как утверждали И. Пригожин и И. Стенгерс, «этика является не областью дедуктивного знания, а “практической мудростью”, искусством делать надлежащий выбор относительно неопределенного будущего» [3, с. 259].

Таким образом, интерпретация нравственности как сложной саморазвивающейся системы содержит плодотворные возможности для этического исследования, позволяет построить плюралистическую и в то же время целостную картину динамики нравственности. Единство нравственности как системы задается особенностями ее нормативно-ценностной структуры и специфической функцией. Разрешение проблемы многообразия нравственности возможно благодаря использованию системно-синергетического принципа нелинейности. Он позволяет обосновать спонтанное обра-

зование ряда самодостаточных систем нравственности, выполняющих универсальные функции; интерпретировать процесс детерминации морали как полидетерминацию и самодетерминацию; эксплицировать соотношение универсального и исторически конкретного в нравственности; реализовать сценарный подход в определении тенденций

в развитии современной нравственности. В результате динамика нравственности представляется как процесс самоорганизации индивидуальных и коллективных субъектов морали, реализующих потребность в стабилизации сообщества и утверждении самооценности отдельного человека с помощью выработки нормативно-ценностных структур.

Библиографические ссылки

1. Алексеев ИС. Способы исследования системных объектов в классической механике. *Системные исследования. Ежегодник*. 1972. Москва: Наука; 1972. с. 72–89.
2. Хакен Г. *Синергетика*. Москва: Мир; 1980. 404 с.
3. Пригожин И, Стенгерс И. *Время, хаос, квант: к решению парадокса времени*. Москва: Прогресс; 1994. 266 с.
4. Стёпин ВС. Саморазвивающиеся системы и философия [Интернет]. 2007 [процитировано 14 января 2011 г.]. Доступно по: <http://spkurdyumov.narod.ru/stepin444.htm>.
5. Буданов ВГ. О методологии синергетики. *Вопросы философии*. 2006;5:79–94.
6. Князева ЕН, Курдюмов СП. *Законы эволюции и самоорганизации сложных систем*. Москва: Наука; 1994. 236 с.
7. Стёпин ВС. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения. В: Киященко ЛП, Стёпин ВС, редакторы. *Постнеклассика: философия, наука, культура*. Санкт-Петербург: Мир; 2009. с. 249–295.
8. Гегель ГВФ. Система нравственности. В: Гегель ГВФ. *Политические произведения*. Москва: Наука; 1978. с. 276–367.
9. Кон ИС, редактор. *Словарь по этике*. Москва: Политиздат; 1981. 431 с.
10. Василькова ВВ. *Порядок и хаос в развитии социальных систем: синергетика и теория социальной самоорганизации*. Санкт-Петербург: Лань; 1999. 478 с.
11. Беккер В. Религия и мораль. В: Порус ВН, редактор. *Религия. Магия. Миф: современные философские исследования. Сборник докладов II Международного симпозиума; 10–14 апреля 1997 г.; Айхштет, ФРГ*. Москва: УРСС; 1997. с. 81–99.
12. Хальман Л, Хагенаас Ж, Моорс Г. Карта культур Европы. Исследование основных ценностных ориентаций населения европейских стран. В: Булышко ДМ, Данилов АН, Ротман ДГ, редакторы. *Ценностный мир современного человека. Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей»*. Минск: БГУ; 2009. с. 35–52.
13. Можейко МА. *Становление теории нелинейных динамик в современной культуре: сравнительный анализ синергетической и постмодернистской парадигм*. Минск: БГЭУ; 1999. 294 с.
14. Бакштановский ВИ, Согомонов ЮВ. Исторические типы эволюции нормативно-ценностных систем. В: Бакштановский ВИ, Согомонов ЮВ. *Прикладная этика: опыт университетского словаря*. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ; 2001. с. 48–86.
15. Бранский ВП. Теоретические основания социальной синергетики. *Вопросы философии*. 2000;4:112–129.
16. Лаптёнок АС. *Моральное наследие в социодинамике культуры*. Минск: БГУ; 2002. 125 с.
17. Афанасьева ВВ. *Детерминированный хаос: от физики к философии*. Саратов: Издательство Саратовского государственного университета; 2001. 216 с.
18. Рашковский ЕБ. История российская – через призму постмодерна. В: Хорос ВГ, Красильщиков ВА, редакторы. *Постиндустриальный мир и Россия*. Москва: Эдиториал УРСС; 2001. с. 571–586.
19. Назаретян АП. *Антропология насилия и культура самоорганизации: очерки по эволюционно-исторической психологии*. Москва: URSS; 2007. 256 с.

References

1. Alekseev IS. [Methods for studying system objects in classical mechanics]. In: *Systems research. Yearbook*. 1972. Moscow: Nauka; 1972. p. 72–89. Russian.
2. Haken H. *Sinergetika* [Synergetics]. Moscow: Mir; 1980. 404 p. Russian.
3. Prigogine I, Stengers I. *Vremya, khaos, kvant: k resheniyu paradoksa vremeni* [Time, chaos, quantum: to the solution of the paradox of time]. Moscow: Progress; 1994. 266 p. Russian.
4. Stepin VS. Self-developing systems and philosophy [Internet]. 2007 [cited 2011 January 14]. Available from: <http://spkurdyumov.narod.ru/stepin444.htm>. Russian.
5. Budanov VG. [On the methodology of synergetics]. *Voprosy filosofii*. 2006;5:79–94. Russian.
6. Knyazeva EN, Kurdyumov SP. *Zakony evolyutsii i samoorganizatsii slozhnykh sistem* [Laws of evolution and self-organization of complex systems]. Moscow: Nauka; 1994. 236 p. Russian.
7. Stepin VS. [Classics, non-classical, post-non-classical: discrimination criteria]. In: Kiyashchenko LP, Stepin VS, editors. *Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura* [Post-classics: philosophy, science, culture]. Saint Petersburg: Mir; 2009. p. 249–295. Russian.
8. Hegel GVF. [The system of morality]. In: Hegel GVF. *Politicheskie proizvedeniya* [Political works]. Moscow: Nauka; 1978. p. 276–367. Russian.
9. Kon IS, editor. *Slovar' po etike* [Dictionary of ethics]. Moscow: Politizdat; 1981. 431 p. Russian.
10. Vasilkova VV. *Poryadok i khaos v razvitiy sotsial'nykh sistem: sinergetika i teoriya sotsial'noi samoorganizatsii* [Order and chaos in the development of social systems: synergetics and the theory of social self-organization]. Saint Petersburg: Lan'; 1999. 478 p. Russian.
11. Becker V. [Religion and morals]. In: Porus VN, editor. *Religiya. Magiya. Mif: sovremennye filosofskie issledovaniya. Sbornik dokladov II Mezhdunarodnogo simpoziuma; 10–14 aprelya 1997 g.; Aikhshtet, FRG* [Religion. Magic. Myth: modern philosophical studies. Collection of reports II International Simposium; 1997 April 10–14; Aichstet, FRG]. Moscow: URSS; 1997. p. 81–99. Russian.

12. Halman L, Hageaas J, Moorse G. Map of European cultures. A research of main value orientations shared by European countries population. In: Bulynko DM, Danilov AN, Rotman DG, editors. *Tsennostnyi mir sovremennogo cheloveka. Belarus' v proekte «Issledovanie evropeiskikh tsennostei»* [The value world of modern man: Belarus in the project «The study of European values»]. Minsk: Belarusian State University; 2009. p. 35–52. Russian.
13. Mojeiko MA. *Stanovlenie teorii nelineinykh dinamiki v sovremennoi kul'ture: sravnitel'nyi analiz sinergeticheskoi i postmodernistskoi paradigmat* [Formation of the theory of nonlinear dynamics in modern culture: a comparative analysis of synergetic and postmodern paradigms]. Minsk: Belarusian State Economic University; 1999. 294 p. Russian.
14. Bakshtanovsky VI, Sogomonov YuV. [Historical types of evolution of normative-value systems]. In: Bakshtanovsky VI, Sogomonov YuV. *Prikladnaya etika: opyt universitetskogo slovary* [Applied ethics: the experience of the university dictionary]. Tyumen: Research Institute for Applied Ethics, Tyumen Industrial University; 2001. p. 48–86. Russian.
15. Branskii VP. [Theoretical foundations of social synergetics]. *Voprosy filosofii*. 2000;4:112–129. Russian.
16. Laptinok AS. *Moral'noe nasledie v sotsiodinamike kul'tury* [Moral heritage in the socio-dynamics of culture]. Minsk: Belarusian State University; 2002. 125 p. Russian.
17. Afanasyeva VV. *Determinirovannyi khaos: ot fiziki k filosofii* [Deterministic chaos: from physics to philosophy]. Saratov: Saratov State University Publishing House; 2001. 216 p. Russian.
18. Rashkovsky EB. [History of Russia – through the prism of postmodern]. In: Khoros VG, Krasil'shchikov VA, editors. *Postindustrial'nyi mir i Rossiya* [Postindustrial world and Russia]. Moscow: Editorial URSS; 2001. p. 571–586. Russian.
19. Nazaretyan AP. *Antropologiya nasiliya i kul'tura samoorganizatsii: ocherki po evolyutsionno-istoricheskoi psikhologii* [Anthropology of violence and the culture of self-organization: essays on evolutionary historical psychology]. Moscow: URSS; 2007. 256 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 07.05.2018.
Received by editorial board 07.05.2018.